О РУССКОМ ВОЗЗРЕНИИ

Недавно одно выражение, употребленное в объявлении о «Русской беседе», подало повод к нападениям и толкам. Выражение это: *русское воззрение*. Оно точно не было объяснено, потому что это казалось излишним, и предполагалось, что оно не затруднит ничьего понимания. Однако послышались возражения такого рода: «Воззрение должно быть общечеловеческое! Какой смысл может иметь русское воззрение?» Но неужели можно было думать, что в программе «Русской беседы» предполагалось такое русское воззрение, которое не будет в то же время общечеловеческим. Подобного мнения, конечно, нельзя допустить, особенно со стороны тех людей, которым придают название славянофилов, которые обвиняются в пристрастии будто бы к России и которые, конечно, не захотят лишить ее высшего достоинства, т<о> е<сть> человеческого.

Теперь скажем о самом выражении, так странном для некоторых. Разве воззрение народное исключает воззрение общечеловеческое? Напротив. Ведь мы говорим, например: английская литература, французская литература, германская философия, греческая философия. Отчего же это никого не смущает? А ведь в литературе, в философии, если она английская, немецкая и т<ак> д<алее>, выражается и воззрение народное. Все это признают. А если признают за другими народами, то почему не признать и за русским? Если народность не мешает другим народам быть общечеловеческими, то почему же должна она мешать русскому народу? Дело человечества совершается народностями, которые не только оттого не исчезают и не теряются, но, проникаясь общим содержанием, возвышаются и светлеют и оправдываются как народности. Отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение — значит лишить его участия в общем деле человечества.

Мало того: тогда только и является произведение литературы, или другое какое, вполне общечеловеческим, когда оно в то же время совершенно народно. «Илиада» Гомера есть достояние всемирное и в то же время есть явление чисто греческое. Шекспир есть поэт, принадлежащий всему человечеству, и в то же время совершенно народный, английский. А именно этой-то народности, этого-то самобытного воззрения и недостает нашей умственной деятельности; а оттого, что в ней нет народности, нет в ней и общечеловеческого. Мы уже полтораста лет стоим на почве исключительной национальности европейской, в жертву которой приносится наша народность; оттого именно мы еще ничем и не обогатили науки. Мы, русские, ничего не сделали для *человечества* именно

потому, что у нас нет, не явилось по крайней мере, *русского воззрения*. Странно было бы нападать из любви к народности на общечеловеческое: это значило бы отказывать своему народу в имени человеческом. И конечно, таких нападений нельзя ожидать от «Русской беседы», считающей, по смыслу своей программы, общечеловеческое — народным русским достоянием. В чем же спор? Постараемся представить его в настоящем свете.

Русский народ имеет прямое право, как народ, на общечеловеческое, а не чрез посредство и не с позволения Западной Европы. К Европе относится он критически и свободно, принимая от нее лишь то, что может быть общим достоянием, а национальность европейскую откидывая. Он относится точно так же к Европе, как ко всем другим, древним и современным, народам и странам: так думают люди, называемые славянофилами. Европеизм, имея человеческое значение, имеет свою, и очень сильную, национальность: вот чего не видят противники наших мнений, не отделяющие в Европе человеческого от национального. Итак, спор, понятый настоящим образом, совершенно переменяет свое значение. С одной стороны, т<ак> н<азываемые> славянофилы стоят за общечеловеческое и за прямое на него право русского народа. С другой стороны, поборники Западной Европы стоят за исключительную европейскую национальность, которой придают всемирное значение и ради которой они отнимают у русского народа его прямое право на общечеловеческое. Итак, наоборот, т<ак> н<азываемые> славянофилы стоят за общечеловеческое, а противники их за исключительную национальность. С одной стороны, чувство свободы и любви; с другой, чувство зависимости и преданности авторитету.

Вот настоящее положение вопроса. Но противники наши едва ли и перед собой захотят с этим согласиться.